

Хабибуллаев Нагматылла, информант, 1936 г.р., житель села Гараул этрапа Бахарлы Ахалского веляята.

Эсенов Умур, информант, 1939 г. р., житель д/о «Бирлешик» Мургапского этрапа Марыйского веляята.

Список сокращений

Труды ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

О.А. Васильева

БЫТОВАЯ СКАЗКА В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КAVKAZA КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЩЕРОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Отметим, что, несмотря на национальный или интернациональный сюжет, сказка в некоторой степени является символом единства народа, что особенно актуально для нашего государства. Сказка не имеет языковых барьеров, не знает территориальных или государственных границ. Она путешествует от народа к народу, каждый из которых привносит в нее что-то свое, особенное, и тем самым способствует созданию и развитию общенационального культурного богатства [Пропп 2011: 5].

Фольклорный сюжет бытовой сказки представляет собой «отклик на настоящее, имеющее фантастическую форму». Но при этом происходит стирание различий между нереальным и реальным, существующих одно в другом, где реальность «подсвечивается фантастикой», которая, в свою очередь, «становится подоплекой и скрытой сущностью повседневно-обыденного» [Юдин 2006: 286, 287].

В бытовых сказках народов Северного Кавказа весьма зримо присутствует такой необозначенный в тексте персонаж, как

Смех. Смех над отношениями собственности, классовым судом и т.п. как раз и является, с одной стороны, результатом «сближения фантастического, навеянного родовым прошлым», а с другой стороны, современной действительностью с ее «нереальным сказочным подтекстом» [Там же: 290]. Примером подобного рода развития сюжета может послужить кумыкская сказка «Неблагодарный богач» [Гора самоцветов 2011: 148–153].

Реальный мир этой сказки — возвращение пьяного богача Измаила, известного своей спесивостью и жадностью, со званого пира и попадание его в яму, вырытую охотниками для диких зверей; помощь крестьянина в освобождении всех вынужденных сидельцев ямы; обещание богача отблагодарить крестьянина за спасение; неправедный суд.

Фантастика же заключается в том, что спасенные звери (лисица, медведь, змея) щедро отблагодарили крестьянина, богач же не только забыл про своего спасителя, но и дал против него ложные показания у кади.

Однако, согласно адатам Дагестана, крестьянину было предоставлено право подтвердить правдивость сказанного свидетельскими показаниями. Неожиданно появившиеся спасенные крестьянином звери «поклонились кади и сказали:

— Мы свидетели, что крестьянин говорит правду, а богач Измаил лжет, Крестьянин спас и всех нас, и этого неблагодарного лжеца. Мы ничего не обещали ему за спасение, а Измаил сулил озолотить его, да ничего ему не дал. Мало того — он еще наклеветал на своего избавителя» [Там же: 152–153].

Таким образом, выступившие на суде у кади животные-свидетели проявили активную общественную позицию, не только предотвратив неправедный суд, но и спася жизнь невинного человека, что вполне согласуется с этнокультурной традицией народов Северного Кавказа о справедливости и неотвратимости наказания за содеянное.

Для кавказских народов, при некоторых различиях для каждого этноса, остаются общими основные этические постулаты традиционной этической системы в кавказском цивилизационном плане (см. например: [Албакова 1999а, 1999б; Бгажноков 1999]).

Похвальной характеристикой у северокавказских этносов является готовность прийти на помощь, оказать необходимую услугу.

Примечательна в этом отношении осетинская сказка «Что дороже?» [Гора самоцветов 2011: 159–163], сюжет которой, на первый взгляд, выглядит весьма незамысловатым: долгий спор двух юношей одного аула о том, в чем же заключается счастье — в обладании табуном из ста кобылиц или наличии ста друзей. Обретение юношами желаемого, казалось бы, должно было окончить их долгий спор, если бы не слова матери юноши, заимевшего сто друзей:

«— Все это хорошо, сынок. Но вот какой совет я тебе дам: прежде испытай ты своих друзей, убедись на деле, а не на словах — настоящие ли они друзья. Тогда только и можешь сказать, что ты счастлив». Мать предложила сыну и то, как испытать новых друзей («Садись на коня, поезжай по всем селениям, где нашел друзей, и объяви им, что тебя постигло несчастье и ты лишился всего») [Там же: 161].

Новые друзья юноши действительно оказались настоящими друзьями: кто пригнал скот, кто привез хлеб, кто оказал помощь одеждой, домашней утварью — никто не остался безучастным к «несчастью» друга. Помощь оказалась как нельзя кстати: именно в ту ночь абреки ограбили владельца табуна кобылиц, которому и отдали все, что было получено.

Мораль же, к которой эмпирическим путем пришел второй юноша, гласит: «Дороже всего не богатство, а верный друг».

Не последнее место в традиционной кавказской этике занимало трудолюбие. В данном случае акцент хотелось бы сделать на кабардинской сказке «Трудовые деньги» [Сказки 2011: 69–73].

Общемировой сюжет данной сказки обретает кавказский колорит в том, что назначаемая стариком плата за труд своего сына-лентяя в один золотой в год вызывала недоумение у потенциальных хозяев своей мизерностью, поэтому парня не заставляли работать, чтобы не обидеть старика, но золотой лентяю по истечении года выплачивали. Естественно, лентяй и не думал задаваться вопросом: почему отец бросает деньги в огонь, так как не знал цены действительно заработанному трудом золотому.

Концовка сказки традиционна для данного сюжета: брошенные стариком в огонь деньги сын начал выгребать голыми руками с криком: «Как же можно трудовые деньги в огонь бросать!».

Таким образом, в сказке отчетливо прослеживается не только общемировая тенденция отношения к лентяям, но и насыщение сказочного сюжета элементами горского колорита.

Особенностью сказок народов Северного Кавказа является многоаспектность содержания в плане выделения тех или иных качеств, которые так или иначе связаны с морально-поведенческими нормами и ориентирами кавказской этики. Примером таких сказок могут послужить балкарские сказки «Два хана» [Сказки 2011: 85–90] и «Хитрый гость» [Народные сказки 2003: 222–225], адыгейская сказка «Человек, который купил ум» [Сказки 2011: 105–116], карачаевская сказка «Счастье, ум и богатство» [Народные сказки 2003: 249–251] и ингушская сказка «Падчах и муравей» [Сказки 2011: 23–25].

Первые из двух перечисленных сказок не имеют прямых аналогов в общемировых сюжетах, что доказывает самобытность культуры северокавказских народов. Качества, на которых акцентируется внимание слушателя, являясь традиционными для многих культур, наибольшую разработку в бытовой сказке получили именно у народов Северного Кавказа.

Прежде всего, речь идет о гостеприимстве, правдивости, умении держать данное слово, хитрости, ассоциируемой со смелкой, дополненной насмешкой над тем, что традиционно вызывало осуждение у кавказских этносов, например нежелание достойно принять гостя.

Пастух из сказки «Два хана» зарезал рыжего жеребца, являвшегося не только вожаком лучшего табуна, но и гордостью хана, пастухом у которого он был, «но гостя надо хорошо принять, хорошо угостить, надо, чтобы гость остался доволен».

В то же время пастух не посмел обмануть своего хозяина и честно сказал, почему пришлось зарезать рыжего жеребца. Но и хану-гостю пришлось признать свое поражение: не сумел он заставить пастуха солгать, а потому пришлось «отдать первому хану весь свой скот, все свое богатство».

Жадность же бая из сказки «Хитрый гость», который, пренебрегая горским обычаем ставить лучшее угощение для гостя», «ставил такую еду, какую самый бедный человек постыдится поставить», была наказана находчивым и остроумным юношей Аэзретом. Он не только вынудил бая хорошо угостить, но и благодаря своей смекалке заполучил в жены байскую дочь, что не вызвало порицания сказителя, несмотря даже на открытый обман бая, только потому, что бай долгое время попирал принятые морально-этические нормы горского общества.

Мотив гостеприимства присутствует практически в каждой сказке северокавказских народов.

Однако в сказке «Человек, который купил ум», он приобретает дополнительный оттенок, который как нельзя лучше отражает кабардинская пословица «Гость в доме — не хозяин», а потому не пристало гостю давать советы хозяину и вмешиваться в его дела. Благодаря уму гость вышеназванной сказки не только хорошо был принят хозяином, но получил от него кисет с золотом.

Может показаться, что некоторым особняком в этом ряду бытовых сказок стоит сказка «Падчак и муравей». Но анализ текста сказки свидетельствует не только о глубоком философском смысле, но и о меткости языка ингушского народа («Что за глупец ведет войска, не разбирая дороги», «Лучше быть маленьким, да удаленьким, чем большим, но бестолковым», «Настоящий джигит должен быть тонким в поясе»).

Оригинальность мышления в сказке принадлежит муравью. Он тонко и остроумно высмеивает глупость власть имущих, оказывается в бытовом плане весьма приспособленным существом, живущим не только сегодняшним днем, но и просчитывающим свое существование надолго вперед («Глупец, посадивший меня сюда [в ящик], мог не вспомнить обо мне еще целый год. И я на всякий случай приберегу вторую половину зерна»).

Не стоит специально указывать на связь бытовой сказки с процессом становления и развития национального и межэтнического единства. Об этом свидетельствуют тексты народных сказок, появившиеся в глубокой древности и дошедшие до наших дней. Мудрость народа сама по себе является гарантом вос-

питания толерантности и идеи гражданской нации, что служит гарантом стабильности такого полиэтничного государства, как Российская Федерация и, в частности, одного из ее полиэтничных регионов — Северного Кавказа.

Библиография

Албакова Ф.Ю. Проблемы развития традиционной культуры вайнахов. М., 1999а.

Албакова Ф.Ю. Символ и традиционные фольклорные формы культуры. М., 1999б.

Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999.

Гора самоцветов: сказки народов России в пересказе М. Булатова. М., 2011.

Народные сказки балкарцев и карачаевцев. М., 2003.

Протт В. Я. Русская сказка. М., 2011.

Сказки народов России. М., 2011.

Юдин Ю. И. Сказка и история // Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт. (Исторические корни бытовой сказки.) М., 2006.

Л.С. Гуцян

ОСОБЕННОСТИ КОСТЮМА ЖИТЕЛЕЙ ВАНСКОЙ ОБЛАСТИ (по материалам коллекции А.А. Миллера)

Комплектование коллекций, отражающих традиционную культуру армян Ванской области, относится к 1916 г., когда была предпринята экспедиция петербургских востоковедов в данный регион, включавшая исследование археологических памятников, которыми занимались Н.Я. Марр и И.А. Орбели, а также сбор этнографического материала, порученный хранителю этнографического отдела Русского музея А.А. Миллеру.

Географический диапазон собранных во время экспедиции предметов охватывает практически все восточное, южное и западное побережье озера Ван. Представлены вещи из районов